

ИСТОРИЯ

Вопросы этнопсихологии античных народов в трудах Ф. Ф. Зелинского

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

В статье рассматриваются отдельные вопросы этнопсихологии древних греков и римлян, представленные в трудах Ф. Ф. Зелинского, такие как «открытость прекрасному», «религиозная участливость», «пытливый характер греков», дружелюбие, гостеприимство, «природная богобоязненность и благочестивость римлян» и т. д.

Ключевые слова: античность, греки, римляне, религиозные представления, собирательный образ, «народная душа», этнопсихология, природная среда.

Questions of Ethnopsychology of the Antique Peoples in F. F. Zelinsky's Works

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

In the article the questions of ethnopsychology of ancient Greeks and Romans, presented in F. F. Zelinsky's works, such as «openness to fine», «religious compassion», «inquisitive character of Greeks», friendliness, hospitality, «natural fear of God and piety of Romans» etc. are considered.

Key words: antiquity, Greeks, Romans, religious representations, collective image, «a national soul», ethnopsychology, environment.

Одной из характерных черт современной историографии является появление новых направлений исследований [1], к числу которых может быть отнесена и этнопсихология. Здесь мы предлагаем к рассмотрению некоторые аспекты этнопсихологии древних греков и римлян, представленные в трудах Фаддея Францевича Зелинского [2]. Выдающийся отечественный ученый, подобно Р. Ю. Випперу [3], еще сто лет назад пытался дать ответ на вопросы, которые выходили за привычные тогда рамки политической и социально-экономической истории.

Обобщающего труда, посвященного собирательному социально-психологическому портрету греков и римлян, Ф. Ф. Зелинский не создал. Информация, которой мы располагаем, разбросана в многочисленных публикациях автора, и её извлечение из рассуждений и историко-культурного контекста исследований учёного представляло для нас нелёгкую задачу.

Создавая образ греков, Ф. Ф. Зелинский исходил из положений, широко распространённых в науке об античности начала и середины XIX в., согласно которым греки – это выдающийся народ, обладавший поразительной одарённостью в самых разнообразных сферах культурной жизни человечества [4]. Идеализация греков позволяла приписывать данные им откуда-то свыше [5] черты исключительной гениальности, прозорливости, мудрости, одухотворённости, чувственности. Не устоял перед этими характеристиками эллинов и Ф. Ф. Зелинский.

Уже на самой ранней ступени развития эллинов, в так называемый ахейский период, им было свойственно, по утверждению Ф. Ф. Зелинского, стремление к красоте, которое, правда, пока ус-

тупало стремлению к пользе [6]. Но эстетические вкусы имеют свойство развиваться, поэтому, создавая образы богов в камне и металле, эллины уже в полной мере смогли продемонстрировать свою поразительную способность ощущать красоту во всех её проявлениях. Их боги, пройдя стадии имманентного и трансцендентного аниматизма, «объявили» себя в красоте [7].

Фидий, Поликлет, Пракситель – эти настоящие «пророки резца» – создали образы богов, настолько очаровавшие сознание греков, что «всякие мелкие и низменные представления, которыми умственная незрелость или игривость певцов запятнала» олимпийцев, исчезли навсегда [8]. В возвышенной красоте богов соединилось всё самое благородное, совершенное: в Зевсе – величие и кротость; в Аполлоне – неземная стройность, лёгкость, ясная умственная красота; в Гермесе – упругая юношеская сила; в Афродите – любовные чары и чувственность; в Афине и Гере – строгость, готовность к исполнению долга [9].

Кроме открытости прекрасному, одним из важнейших качеств греков, по мнению Ф. Ф. Зелинского, была врождённая вдумчивость [10], проявлявшаяся в их способности к напряжённой работе мысли [11]. В то время как Рим, выполняя своё предназначение, покорял мир силой оружия, «пытливый взор грека» старался проникнуть через преграды Вселенной в вечную обитель богов. «Самые высокие и самые дерзкие мысли о божестве были передуманы» именно в Греции [12], где господствовал «философско-спекулятивный дух» [13].

Греческие боги были продуктом размышлений и фантазий, благодаря которым религиозное чувство поклонения антропоморфным божествам

типа Деметры, обрастая новыми идеями и представлениями, смогло приобрести трансцендентный смысл смерти и воскресения, покоряясь таинству умирания и рождения брошенного в землю зерна [14].

Религиозная «участливость» греков не позволяла им враждебно относиться к религиозным образам и символам других народов, особенно живущих на востоке. Изощённому в трансцендентности уму грека было необходимо только выяснить, какому местному богу соответствовал чужеземный, выполнявший те же предназначения, что и их собственный кумир, и отличавшийся от родного только именем [15]. Однако «тщательность и глубина» мышления греков позволяли им отметить религиозные представления, явно противоречившие друг другу, подобно тому как «вдумчивые» афиняне ещё на заре своей истории избавились от пережитков анимизма [16].

Стремление к «бескорыстной спекуляции мечтательницы-Эллады» [17], присоединённое к «пытливому характеру греков», не могло не вызвать у них интереса к точным наукам, философии, лингвистике [18], отсюда – столь поразительные открытия во всех направлениях интеллектуального поиска, побуждаемого к тому же и естественной потребностью человека в познании [19].

Греческая поэзия V–IV вв. до н. э. по своей природе оказалась близка к науке, так как она востребовала необыкновенно ранние и очень мощные «проявления наблюдательных сил человеческого ума» [20]. Греческие философы – «душа общества» – знали «решительно всё, что было доступно знанию в те времена» [21]. В целом можно сказать, что эллин был «интеллектуалистом... отцом нашего интеллектуализма» [22], и наряду со строгостью нравов и верностью религиозным обычаям отцов это действительно превращало греков в избранный народ [23].

По своему психическому складу эллины отличались «крайней впечатлительностью» [24], что являлось истоком порождения их богобоязненности, веры в чудеса и рок. Не смогли избежать они и «чрезмерной терпимости к низкопробным религиозным формам чужеземных народностей, пользовавшихся доступом в страну этого гостеприимнейшего в мире народа». Так, жители Коринфа не брезговали поклонением семитской Астарте с её «иеродулией», то есть религиозной проституцией. Отождествив Астарту с Афродитой, они запятнали чистый образ своей богини красоты и любви [25].

Ум греков был «поразительно изобретателен в... проявлении радости» [26], а готовность поделиться своим радостным восторгом с богами-покровителями во время жертвоприношений, спортивных состязаний, театральных постановок не только приобщала их к божественному, но и воспитывала агонистический дух. Постоянно стремившаяся к первенствованию «агонистическая душа» грека давала ему шанс и «устроить» свой характер, и организовать свою жизнь [27].

Греки также отличались дружелюбием. Именно они создали «сильный и священный» культ дружбы [28], постоянно подкреплявшийся совместными религиозными переживаниями. Наиболее ярко дружеские отношения проявляли себя в корпорациях, объединявших зрелых по возрасту людей, чтивших богов-покровителей их профессии. «Добрая часть корпорационной жизни состояла в праздниках этих богов... с обычными жертвоприношениями, угощениями и иногда играми...» [29].

Юноши и девушки, подражая взрослым, объединялись в кружки, посвящённые дельфийским божествам: Аполлону и его «девственной сестре» Артемиде. «Пленительной стороной» этой кружковой жизни были юношеские состязания и девичьи хороводы. Именно «на этой почве развивается дружба, культ которой нигде не был так силён и священ, как именно у эллинов» [30].

На почве дружелюбия выросло и гостеприимство. Отношение к гостю было таким же почтительным и радушным, как отношение к богам или родителям, потому что с детства греку внушались три заповеди: «уважай богов», «уважай родителей», «уважай гостя» [31]. Частное гостеприимство нередко превращалось в побратимство, а договоры с союзными общинами о правовых гарантиях личности гостя-чужеземца способствовали развитию институтов международного права.

Стремления греков быть постоянно в гуще событий, ощущать себя частью коллектива делали эллинское общество, даже в его «несвободной части [рабов – М. Н., Т. П.], счастливее нашего с его центробежными стремлениями», отмечал Ф. Ф. Зелинский [32]. «Центростремительный дух эллина, и особенно афинянина», в наивысшем своём проявлении выражался во время «всегражданских праздников» [33]. Однако надо иметь в виду, что интегративные тенденции проявлялись только внутри греческих полисов. Отсутствие в Греции единого государства и множе-

ственность центров организации религиозной жизни свидетельствуют о том, что «самой выдающейся чертой эллинов» было их стремление к автономии, ставшее причиной одновременно «их силы, и слабости» [34].

Создавая собирательный, обобщённый образ грека, Ф. Ф. Зелинский смог выделить два очень важных, методологических по характеру момента, которые гарантировали его последователям применение грамотных подходов при рассмотрении этнопсихологии древних народов (к сожалению, сам он иногда забывал о необходимости следовать открывавшимся при этом познавательным перспективам).

Первый момент заключается в том, что этнопсихология народа формировалась под влиянием природной среды, присущей месту его обитания [35]. Греческий мир, утверждал Ф. Ф. Зелинский, «как никакая другая страна на свете, сумел совместить в себе самые различные типы людей и государств» [36]. Так, жители Аркадии, или «медвежьей страны», не знавшие земледелия, были пастухами. Пастушеская жизнь с привольем и ленью располагала «к мечтательности, к изошрению мысли и слова, к поэзии». Естественным плодом созерцательного пастушеского образа жизни было и песнопение: «Свои однообразные, тягучие думки аркадские сказители сопровождали игрой на бесхитростном струнном инструменте». Умение слагать мысли в слова приписывалось Гермесу, родиной которого, по единодушным свидетельствам древних, могла быть только Аркадия [37].

Другого типа людьми были афиняне, которых скудость природных богатств на земле обитания заставила не только разбудить свой умственный потенциал, но и вступить в выгодные контакты с окружающими, в том числе и восточными, народами. Восхищаясь «умственным развитием» населения «афинской республики», которое создало «самые смелые и оригинальные произведения человеческого духа» (к примеру, обличительную, политическую, фантастическую по содержанию комедию), Ф. Ф. Зелинский характеризовал его как «интеллигентное общество» [38]. Во второй половине V в. до н. э., когда «мысль не знала пределов себе и своему творчеству, политическая воля [афинян – М. Н., Т. П.] считала возможным перенести в действительность всякое порождение мысли» [39]. «Тщательность и глубина афинского мышления» выступили творцами всей греческой культуры [40].

Вторым моментом изучения этнопсихологии, подмеченным Ф. Ф. Зелинским, следует считать подвижность «народной души»: она может изменяться по мере развития исторической среды. К примеру, афиняне VII–VI вв. до н. э. были, по мнению профессора, благочестивым народом. Важное место в их системе ценностей, кроме благочестия, занимали гуманность и гражданственность [41].

Во второй половине IV в. до н. э. в Афинах, как и в других «лучших греческих государствах», люди «измельчали и не были больше в силах нести тяжкое бремя героизма, завещанное им предками». «Гений прогресса» также покинул народные собрания и поле брани афинян. Только наука, руководство которой взял на себя Аристотель, по-прежнему прославляла Афины, которые постепенно превращались в «клад учёности» [42].

Создавая идеализированный образ древних греков, Ф. Ф. Зелинский руководствовался теорией «идеологизма», которая нередко вводила его в иллюзорный, вымышленный и не лишённый преувеличений мир обитателей Древней Греции. При этом он будто сознательно старался не замечать исследования современников: сочинения зарубежных учёных и труды своих коллег, которые могли бы разрушить дорогие его сердцу представления о создателях европейской культуры – греках. Он почти полностью опускал сведения из экономической истории, входившие в научный оборот благодаря усилиям эпиграфистов, старался не обращать внимания на социальные проблемы и гражданские катаклизмы в Греции – лишь бы сохранить незапятнанным собирательный образ прекраснодушных эллинов и не бросить даже малейшую тень на недостижимые образцы греческого творчества.

В отношении римлян – эпигонов греческих культурных достижений – его мнение было более объективным.

Создавая образ римлян, Ф. Ф. Зелинский в первую очередь обращал внимание на воинственность этого народа, которому в короткое время удалось сменить на исторической арене «истощённую Элладу».

Римляне были грубым народом, сообщает профессор, мало одарённым творческой энергией, но в то же время весьма способным удивляться всему великому, усваивать его и внедрять усвоенное в свою жизнь [43]. Выполнив свою миссию – покорение мира силой оружия [44],

римляне начали уделять больше внимания духовному развитию.

Природная богобоязненность римлян [45] придала религиозный характер их нравственности, в которой, тем не менее, нашлось место и сильно развитому правовому элементу их души. Постепенно римская религиозная нравственность приобрела юридическую и договорную окраску [46]. Скрупулёзно соблюдая ритуалы, угодные божественным сущностям, признаваемым предметами веры, взамен римляне требовали от своих богов справедливости и великодушия. Представления о возможности влиять на божественную волю путём даров, убеждений и обрядов умилостивления не оставляли у обитателей Лация сомнений в том, что их просьбы и мольбы о процветании государства, росте его могущества и укреплении благосостояния граждан не останутся без ответа при условии чистоты и безукоризненной правильности исполнения всех религиозных церемоний [47].

Римское государство было объединено религией, и символами единства его гражданской общины стали религиозные обряды, которые, несмотря на формализм их ритуалов, не могли стеснить даже самую чуткую совесть [48].

Религиозность и благочестивость римского народа сделали его готовым включить в свой пантеон всех богов, «от которых зависел успех их битв и походов» [49]. Римляне почтительно относились к богам побеждённых племён, напоказ демонстрировали своё гостеприимство перед иноземными божественными покровителями [50], и закономерное стечение «всех национальных богов в радушный Рим» стало залогом создания их всемирной державы.

Религиозная терпимость, питавшая чувство открытости всему внешнему миру, постепенно превратила римлян в хранителей ценностей народов Средиземноморья, и прежде всего греков. Это проявлялось, к примеру, в отношении римлян к философии, которая была «полностью несамостоятельной», «полностью зависимой от греческой» [51]. Однако если «в смысле философского творчества римляне занимают довольно скромное положение, то в смысле подбора они были в высшей степени важной и влиятельной инстанцией» [52]. Обладая чутьём в том, что нужно, а что – нет [53] (а именно это качество римлян автор квалифицирует как «подбор»), они создали и отличную от греческой религию. Контраст между греческой и римской религией был

чётко различим: «насколько та трансцендентна, настолько эта имманентна». Верующий в могущество природных сил грек ничуть не удивился бы, встретив на своём пути богиню Деметру в виде высокой и полной женщины с ласковой улыбкой на лице. Что касается римлянина, то он никогда не признал бы в такой женщине свою богиню Цереру – она «объявлялась ему исключительно в растущем хлебе» [54]. Душа италийца, чуткая и «боязливая в религиозных делах», «сознавала себя окружённой постоянным током ежеминутно чередующихся божественных сил», которые оказывали непреодолимое влияние на его физическую и умственную жизнь. Эти эфемерные божества, воплощавшие собой также моменты жизни человека, имели «много родственного с астральными излияниями», что объясняет, по мнению Ф. Ф. Зелинского, причину популярности в римском обществе астрологии [55]. Римская религия, не обладавшая определённой [56], требовала от своих адептов «меньших интеллектуальных жертв» [57] при отождествлении бога с его изображением или при создании религиозных синкретических форм.

От «мечтательницы Эллады, бескорыстной в своих философских спекуляциях», Рим отличался «практическим, юридическим духом» [58]. Это позволило римлянам войти в историю с характеристикой «справедливый народ» [59], хотя и не брезговавший расчётливой простотой [60].

Римлянам были присущи многочисленные нравственные ориентиры, информацию о некоторых из них содержат эпитеты их главных богов. Так, почитая главу своего божественного пантеона под именем *Dius Fidius*, они имели в виду не только самого Юпитера, но и требование соблюдать верность слову или договору, так как Юпитер был покровителем верности договоров и клятв, а также гарантом их нерушимости. В уме римлянина «не Юпитер, а сама верность была господствующим представлением, и ему было безразлично, воздавал ли он ей почитание как *Dio Fidio* или просто *Fidei*. И действительно, мы видим, как *Fides* отделяется от бога, который был её носителем, и обособляется в отдельное божество, связь которого с Юпитером сказывается лишь в том, что ему строится храм по соседству с Капитолийским... “Счастливая” и “всепобеждающая” Венера сначала получила храмы под названием *Venus Felix* и *Venus Victrix*, а затем эти качества были обоготворены как *Felicitas*

и Victoria, и им были выстроены капища рядом с храмом их носительницы» [61].

В результате процесса отделения эпитетов от имён богов, их носителей, римляне заметно увеличили свой божественный пантеон. Олицетворённые добродетели: Целомудрие (Pudicitia), Благочестие (Pietas), Благополучие (Salus), Согласие (Concordia), Надежда (Spes) и другие – стали новыми римскими божественными сущностями, а сама священность этих понятий являлась свидетельством отчётливых нравственных ориентиров, к которым стремились честолюбивые римляне. По свидетельству Цицерона, за наличие у человека таких качеств и добродетелей, как Благоразумие, Доблесть, Благочестие, Верность, боги давали доступ на небеса [62].

Римлян характеризовало, таким образом, вдумчивое отношение к содержанию их веры, «разумное представление о сущности того, что признавалось предметом веры» [63]. Вместе с тем их разумно-расчётливое восприятие религии делало её неспособной «утешить горюющих и поднять малодушных» [64].

Римлянам были известны многие «социальные инстинкты». В противоположность мизантропическому учению о самодовлении личности, они стремились к общению, ценили дружбу, принимали живое участие в делах своего государства [65]. «Гордостью римского имени» стала юриспруденция [66]. Хотя римское право возникло не без влияния греческой риторики, именно Рим стал родиной «правового сознания» [67].

Римляне ценили любые проявления коллективного, коллегиального, общественного. Здесь было множество коллегий, выполнявших функции «братства, артели, клуба». Коллегия была идейным центром, организующим поклонение божеству, ответственному за процветание той или иной отрасли ремесленного производства. Она выполняла также функции средневекового цеха, объединяя людей одной профессии, всегда готовых повеселиться, попить за чужой счёт. «Характерное для итальянской жизни меценатство давало себя знать и здесь: кто поважнее да потаровитее, тех охотно избирали в магистров... матерей... отцов коллегии» [68].

Обилие ремесленных коллегий в императорском Риме могло быть как свидетельством кипучей трудовой жизни, так и признаком уважения к труду [69].

«Корпоративные организации» были свойственны и «золотой» римской молодёжи. Каждый

отпрыск сенаторского сословия поступал в своего рода «пажеский корпус» во главе с предполагаемым «престолонаследником» – *princeps juventutis*. Эта организация преследовала тройную цель: воспитательную, религиозную, политическую. Воспитательная состояла в том, чтобы развить в молодёжи физическую силу и нравственную выдержку: религиозная – в том, чтобы поддерживать интерес к родным богам; политическая – в том, чтобы «насаждать питомники будущих слуг императора, проникнутых верноподданническим духом» [70].

В муниципальных и провинциальных городах I в. знатная молодёжь также была организована корпоративно: «Смолоду воспитанная в монархических чувствах, она сохраняла их навсегда» [71].

В организациях подобного рода воспитывалось преклонение перед старинными римскими родами – олицетворением славы римского государства, культивировался римский аристократизм и поддерживалась иерархичность общественных отношений.

Римское общество, будучи иерархично устроенным, никогда не пыталось скрыть этого данного свыше социального установления. Как когда-то клиенты выискивали средства к существованию, служа своим патронам, а патрон гордился множеством преданных ему слуг-клиентов, так и в императорском Риме любое объединение людей (по профессиональным, социальным, религиозным признакам) стремилось создать свою организацию: выбрать патрона – магистра, отца-благодетеля, за свою щедрость по отношению к членам этого «братства» получавшего публичный почёт, уважение, лестные благодарности [72].

Римляне, как и греки, любили развлечения, характер которых был довольно специфичным. Из трёхсот типов «зрелищных марок» только четыре могли быть строго отнесены к театральным представлениям: остальные были связаны с амфитеатром или цирком – с кровавыми боями на арене и с колесничными бегами. «Публика больше жаждала опьянения, вызываемого видом крови или игрой фортуны, чем умственных наслаждений» [73].

Нетрудно заметить, что при составлении коллективного портрета древних римлян Ф. Ф. Зелинский не стремился сделать его столь же вызывающе привлекательным, как собирательный образ греков. Если в его отношении к грекам

ощущается какая-то родственная близость, желание – если не понять, то почувствовать их душу, вжиться, перевоплотившись, в их сферы сознания и интеллектуальной рефлексии, то в отношении римлян, напротив, прослеживаются отчуждённость и непричастность к их образу жизни, плохо скрываемое желание показать в противопоставлении этих античных народов вторичность римских достижений в мировой культуре. Однако предвзятое отношение автора пошло только на пользу делу: социально-психологический портрет римлян оказался более объективным по сравнению с греческим.

Примечания

1. Соколов, А. Б. История тела: Предпосылки становления нового направления историографии [Текст] А. Б. Соколов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2009. – Вып. 26. – С. 190.
2. Подробнее о Ф. Ф. Зелинском см. Новиков, М. В. Теория прогресса в методологических построениях Ф. Ф. Зелинского [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 1.
3. Подробнее см.: Перфилова, Т. Б. Образ античной истории в «умственных разрезах» Р. Ю. Виппера [Текст]. – Ярославль, 2006; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Теоретико-методологические взгляды Р. Ю. Виппера [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 2. – С. 77–82; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Р. Ю. Виппер и историческое образование: вопросы дидактики [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 3. – С. 37–43; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Р. Ю. Виппер и развитие теории исторического познания [Текст] // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2007. – № 3. – С. 33–44; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Модернизация древней истории в творчестве Р. Ю. Виппера и В. П. Бузескула [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 2. – С. 96–100.
4. С этих позиций рассматривал обитателей древнегреческой цивилизации, к примеру, И. Тэн, автор работы «Философия искусства», пользовавшейся в Европе и России громадной популярностью. См.: Тэн, И. Философия искусства [Текст] / подгот. к изд., ред. и послесл. А. М. Микиши; вступ. ст. П. С. Гуревича. – М., 1996. – С. 330.
5. И. Тэн, сторонник позитивистского мировоззрения, объяснял уникальность греческого народа прежде всего «влиянием физической среды»: климата, ландшафта, моря. См.: Тэн И. Указ. соч. – С. 195–199, 202–213.
6. Зелинский, Ф. Ф. История античной культуры [Текст]. – 2-е изд. / ред. и прим. С. П. Заикина. – СПб., 1995. – С. 42.
7. Зелинский, Ф. Ф. Древнегреческая религия [Текст] // Зелинский Ф. Ф. Эллинская религия. – Минск, 2003. – С. 65.
8. Там же. – С. 68.
9. Там же. – С. 68, 69.
10. Зелинский, Ф. Ф. Гермес трижды величайший [Текст] // Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. – Т. 3. – СПб., 1907. – С. 118.
11. Зелинский, Ф. Ф. Рим и его религия [Текст] // Там же. – С. 63.
12. Там же. – С. 63, 64.
13. Там же. – С. 86.
14. Там же. – С. 9–11.
15. Зелинский, Ф. Ф. Гермес трижды величайший [Текст]. – С. 118.
16. Зелинский, Ф. Ф. Идея нравственного оправдания [Текст] // Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. – 3-е изд. – Т. 1. – Пг., 1916. – С. 30, 32, 33.
17. Зелинский, Ф. Ф. Древнее христианство и римская философия [Текст] // Из жизни идей. – Т. 3. – С. 186.
18. Зелинский, Ф. Ф. История античной культуры [Текст]. – С. 158.
19. Там же. – С. 276.
20. Зелинский, Ф. Ф. Воскресшие поэты [Текст] // Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. – Т. 1. – С. 126.
21. Там же. – С. 97.
22. Зелинский, Ф. Ф. Древнегреческая религия [Текст]. – С. 117.
23. Зелинский, Ф. Ф. Елена Прекрасная [Текст] // Из жизни идей. – Т. 3. – С. 167.
24. Зелинский, Ф. Ф. История античной культуры [Текст]. – С. 60.
25. Зелинский, Ф. Ф. Древнегреческая религия [Текст]. – С. 91.
26. Зелинский, Ф. Ф. История античной культуры [Текст]. – С. 188.
27. Там же. – С. 274, 276.
28. Зелинский, Ф. Ф. Древнегреческая религия [Текст]. – С. 88.
29. Там же. – С. 87.
30. Там же. – С. 88.
31. Там же. – С. 95.
32. Там же. – С. 86.
33. Там же. – С. 89.
34. Зелинский, Ф. Ф. Рим и его религия [Текст] // Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. – Т. 3. – С. 40.
35. К этому выводу задолго до Ф. Ф. Зелинского пришёл теоретик и историк культуры И. Тэн. Полагая, что «кроткая и приятная» природная среда Греции была настоящим даром богов, И. Тэн утверждал, что в таком климате народ разовьётся быстрее и гармоничнее, его душа будет живой и уравновешенной, а ум – бодрым, быстрым, всегда готовым к деятельности. См.: Тэн И. Указ. соч. – С. 198. Вместе с тем французский учёный особый акцент делал на среде обитания (место непосредственного проживания) греческих племён. Так, «тощая почва и скалистые берега» нередко опре-

- деляли «историческую жизнь» греков, не имевших надёжных источников пропитания. Ионийцы, коринфяне, афиняне превратились в «самых передовых, самых образованных, самых умных из народов Древней Греции», потому что никогда не переставали «быть купцами, путешественниками, пиратами... искателями приключений». Такой строй жизни «изошрял и необыкновенно возбуждал ум». Напротив, замкнутые в горах аркадцы «пребывали в сельской простоте», так как не знали мореплавания, не имели контактов с окружающими их народами, были лишены богатства идей, изобретений, роскоши – неотъемлемого результата морских путешествий. «Физических обстоятельств», благоприятствовавших «пробуждению мысли», аркадцы, по мнению И. Тэна, не знали // Там же. – С. 198, 199.
36. Зелинский, Ф. Ф. История античной культуры [Текст]. – С. 58.
37. Зелинский, Ф. Ф. Гермес трижды величайший [Текст]. – С. 90–92.
38. Зелинский, Ф. Ф. Происхождение комедии [Текст] // Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. – Т. 1. – С. 367, 379, 380.
39. Там же. – С. 380.
40. Зелинский, Ф. Ф. Идея нравственного оправдания [Текст]. – С. 33.
41. Там же. – С. 32.
42. Зелинский, Ф. Ф. Воскресшие поэты [Текст]. – С. 96, 97.
43. Зелинский, Ф. Ф. Античная гуманность [Текст] // Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. – Т. 1. – С. 206.
44. Зелинский, Ф. Ф. Рим и его религия [Текст]. – С. 63.
45. Там же. – С. 14.
46. Там же. – С. 25.
47. Там же. – С. 14, 15.
48. Там же. – С. 65.
49. Там же. – С. 49.
50. Там же. – С. 80.
51. Зелинский, Ф. Ф. Древнее христианство и римская религия [Текст] // Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. – Т. 3. – С. 186. Автор даже сводит всю античную философию к греческой: Зелинский, Ф. Ф. Цицерон в истории европейской культуры [Текст] // Зелинский Ф. Ф. Возрожденцы. – СПб., 1997. – С. 27.
52. Зелинский, Ф. Ф. Древнее христианство и римская религия [Текст]. – С. 187.
53. Там же. – С. 188.
54. Зелинский, Ф. Ф. Рим и его религия [Текст]. – С. 11.
55. Зелинский, Ф. Ф. Умершая наука [Текст] // Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. – Т. 3. – С. 294, 295.
56. Зелинский, Ф. Ф. Рим и его религия [Текст]. – С. 34.
57. Зелинский, Ф. Ф. Умершая наука [Текст]. – С. 294.
58. Зелинский, Ф. Ф. Древнее христианство и римская религия [Текст]. – С. 186.
59. Зелинский, Ф. Ф. Рим и его религия [Текст]. – С. 21.
60. Там же. – С. 47.
61. Там же. – С. 36.
62. Зелинский, Ф. Ф. Рим и его религия [Текст]. – С. 37.
63. Там же. – С. 61.
64. Там же. – С. 69.
65. Зелинский, Ф. Ф. Античная гуманность [Текст]. – С. 221, 223.
66. Там же. – С. 228.
67. Там же. – С. 227.
68. Зелинский, Ф. Ф. Новый памятник древнеримского быта [Текст] // Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. – Т. 1. – С. 299, 300.
69. Там же. – С. 301.
70. Там же. – С. 294.
71. Там же. – С. 295.
72. Там же. – С. 300.
73. Там же. – С. 291.